

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE STUDY OF CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF THE CONTRADICTIONS OF MODERN CULTURE

V. Kurгуzov

Summary. In article the most important problems concerning theoretical and methodological judgment of a phenomenon of cultural heritage are considered. Its reflection is performed against the background of the analysis of contradictions of development of modern culture. Affirms that in implementation of a phenomenon of cultural heritage and the social memory expressed in it it is necessary, a compromise between formal and informal figurativeness, the scientific and spontaneous knowledge directed by the analysis and the personal and emotional relation. Flows, massifs, amounts and forms of cultural heritage shall keep all variety and shades of the past and the present for the future, and methodological issues of a correctness of broadcast of values of cultural heritage in society shall become a subject of special cultures — philosophical and culturological researches.

Keywords: person, culture, society, humanity, contradiction, heritage, tradition, globalization, region.

Кургузов Владимир Лукич

Д. культурологии, профессор, член Международной комиссии исследований культуры ЮНЕСКО, Заслуженный работник высшей школы РФ, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления vlkurгуzov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее важные проблемы, касающиеся теоретического и методологического осмысления феномена культурного наследия. Его рефлексия осуществляется на фоне анализа противоречий развития современной культуры. Утверждается, что в реализации феномена культурного наследия и выраженной в нем социальной памяти нужен, компромисс между формальной и неформальной образностью, научным и стихийным знанием, направленным анализом и личностно-эмоциональным отношением. Потоки, массивы, объемы и формы культурного наследия должны сохранить все многообразие и оттенки прошлого и настоящего для будущего, а методологические вопросы корректности трансляции ценностей культурного наследия в обществе должны стать предметом специальных культур-философских и культурологических исследований.

Ключевые слова: человек, культура, общество, гуманитарная наука, противоречие, наследие, традиция, глобализация, регион.

Одна только мысль о том, что у нас есть наследие, делает нас сильными и богатыми

Д. С. Лихачев

Культура, как одна из важнейших форм бытия человека — феномен, безусловно, социальный, возникший в результате общественного развития, являющийся продуктом истории и, одновременно, частью его содержательного наполнения. Любой человек, приходя в этот мир, погружается в культуру, которая его окружает, и на определенном этапе обогащает ее своим вкладом. Иными словами, он проходит поэтапно процессы адаптации и интеграции в культуру.

Вместе с тем, существует мнение, что некий объем социально — культурной информации передается человеку, вступающему в этот мир, на генном уровне, но большинство ученых считает, что это не так. «В генах нет ни грана культуры», — подчеркивает известный американский культур — антрополог М. Мид. Но, как бы там, ни было, ясно одно, что человек с самого начала своей жизни знакомится с **культурным наследием** прошлого, чтобы адекватно ощущать себя в новом мире.

Выделив методологические проблемы изучения культурного наследия в качестве предмета изучения в данной статье, автору необходимо, прежде всего, обосновать сущность самого феномена культурного наследия и проанализировать его категориальный аппарат, и шире — терминологический круг проблем, которые с ним связаны. Учитывая объективную неизбежность такого обоснования необходимо изначально выделить, по меньшей мере, **три** препятствия, стоящих на пути любого аналитика, поставившего пред собой подобного рода задачу.

Во-первых, не следует забывать о том, что, не разработав соответствующий понятийный аппарат, хотя бы на уровне рабочих, операционных определений и дефиниций, вряд ли существует какая-либо возможность продуктивно исследовать ту или иную проблему. Мудрая мысль Декарта: «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений» — справедлива и до сих пор. Ведь, что, значит, дать определение чего-то или кого-то? Это четко обосновать принципиальные различия одного объекта от другого. Без этого никакое продуктивное исследование, просто, не состоится. Разумеется — эта задача непростая,

особенно относительно определений сложных систем, какой и является сама культура. Однако решение этой проблемы фатально неизбежно в деятельности любого аналитика.

Во-вторых, как справедливо отмечает отечественный философ Н.Л. Гинделис в своей работе «К вопросу о демаркации традиционного и нетрадиционного знания»: «Всякие определения омертвляют живую плоть определяемого и, препарировав уже мертвое тело, выделяя его существенные (не существо, но суть) характеристики, тем самым лишают его главного — Духа». [4, с. 13]. Быть может, именно поэтому в отношении объекта нашего исследования пока еще не имеется четких дефиниций. Разумеется, феномену культурного наследия даются отдельные характеристики, но они чаще всего вырисовывают лишь смутный образ представлений отдельного автора по данному вопросу.

Да и как можно обозначить черты культурного наследия, охватывающие самые различные, обширнейшие и разноплановые временные пласты, когда даже несравненно более узкий круг близких к нему феноменов, таких как «культурное наследование», «культурная память» или его антитеза — «культурное забвение» не всегда и не всеми понимаются однозначно.

В-третьих, дать определение феномена «культурное наследие» так же сложно, как и дать определение самой культуре как суперсистеме высшего порядка. Бывший директор Института культурологии РАН, профессор К.Э. Разлогов в свое время признавал, что «...в обиходе, наряду с **двумя тысячами** (выделено мной — В.К.) определениями культуры, есть два основных понимания культуры, которые далеко не всегда пересекаются друг с другом. Одно понимание узкое, скорее ведомственное, но очень широко распространенное в обществе — это культура как совокупность искусств и культурного наследия... С другой стороны, есть широкое понимание культуры, которое сейчас характеризуется модным термином «антропология»... В антропологическом понимании культура — это, в первую очередь, совокупность обычаев, нравов, традиций, ценностей, которые характеризуют то или иное общество, и в этом широком смысле, разумеется, культура есть последняя из забот тех людей, которые занимаются культурой в узком смысле слова». [7, с. 15].

Вряд ли стоит забывать и о том, что категория культурного наследия уже сегодня структурируется культурологической наукой: на наших глазах возникает галатика всевозможных культурных наследий: мировое или общечеловеческое, общероссийское, региональное, национальное, этническое, культурное наследие отдельных эпох, выдающихся личностей, литературное, худо-

жественное, музыкальное, театральное, эстетическое, нравственное, историческое и т.д.

Осознавая вышесказанное, попытаемся начертить, хотя бы и приближенную схему, систематизировав отдельные представления о культурном наследии, которые, безусловно, не могут исчерпать многоликости живого целого. При этом, мы полагаем, что решение этой задачи — не тот случай, когда, как говорится, стоит с ходу «брать быка за рога» — давать свое определение культурного наследия. Мы сделаем предпочтение другому подходу — с помощью методов дедукции и компаративистики, хотя бы кратко, проанализируем сначала пограничные, родственные, близко лежащие к этому феномену категории, каковыми, на наш взгляд, являются: культурное **наследование**, культурная **память** и культурное **забвение**.

Начнем с культурного **наследования**. Уже при ближайшем рассмотрении бросается в глаза то, что значение слов «наследие» и «наследство» достаточно близкое друг к другу. Оба этих слова характеризуют объект исследования, которым является совокупность результатов прошлой деятельности человечества, а их разделение возможно лишь в результате договоренности. При этом, — как справедливо замечает С.П. Калита, — «... весьма часто под **«наследством»** понимают некую **совокупность опредмеченных результатов** прошлой деятельности, а термин **«наследие»** используют для характеристики **совокупности смыслов**, придаваемых прошлому актуальной культурой». [6, с.191].

Вполне очевидно, что в широком плане речь идет не только об артефактах, но и о нематериальном т.е. **духовном** культурном наследии. Можно сказать и так: **наследство** — это (в широком смысле) предметы, **артефакты** культуры, а наследие — связанные с ними **смыслы** в системе культуры.

В ретроспективных размышлениях о прожитых человеком или обществом годах, мы нередко убеждаемся в неоднозначности оценок сделанного, ибо **частное** прошлое никогда нельзя оторвать от контекста **общего**, от политической и социо-культурной обстановки на фоне которой и протекала вся наша деятельность. Более того, этот фон во многом определял все смыслы и суть этой деятельности. Таким фоном практически всегда являются тенденции развития мировой и отечественной культуры, что дает нам основание сегодня оглянуться назад, кратко охарактеризовать проблемы настоящего и заглянуть в наше будущее. При этом полезно оценить не только значимость приобретенного культурного наследия прошлого, но и взвешенно отнестись к анализу проблем и противоречий современной культуры, в рамках которой мы действуем сегодня.

Иными словами, не разобравшись в особенностях **общего**, мы обречены на ошибки в достижении **частного**. Так, какими же особенностями характеризуется современная мировая культура, в чем заключаются основные противоречия и проблемы ее развития, без учета которых вся наша деятельность с какими бы успехами она не осуществлялась, всегда превратится в схоластику и абсурд?

Первый вывод, который мы обязаны сделать тот, что после тысячелетий относительно замкнутого существования мировые цивилизации вышли на путь всестороннего сближения. Движение на этом пути становится год от года все более стремительным, а главной движущей силой стала цивилизация Запада с ее динамизмом, невиданной экономической мощью и всеми соблазнами свободы.

Претензий к западной культуре немало, но будем, все же, справедливы: культура Запада внесла решающий вклад в сокровищницу мировых человеческих ценностей таких как: Закон, Гражданское право, Парламентская демократия, Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, местное самоопределение, отделение церкви от государства, уважение прав человека, его личная и имущественная неприкосновенность, отмена внеэкономического принуждения, рыночная экономика, свобода предпринимательства, а также интеллектуальная и духовная свобода слова, собраний, печати, вероисповедания и т.д. Смело можно сказать, что в борьбе с феодальным варварством европейская культура создала то лучшее, чем мы вправе гордиться.

Вряд — ли кто-то будет отрицать и вывод о том, что проблема достижения земных благ была во многом успешно решена, именно, на Западе. Технический и научный прогресс обеспечил материальный комфорт, нужное качество и количество товаров. Были побеждены мировые болезни — оспа, чума, холера. Человек завоевал право на безопасное одиночество. Он добился защиты своей личности и своего имущества от посягательств кого бы то ни было... Однако, это только блестящая сторона медали. Есть и другая сторона, зловещие очертания которой все более проступают в наше время. Облик этой стороны медали во многом объясняется тем, что западная культура практически неразделима с развитием **потребительского эгоизма**.

Для дальнейших рассуждений нам важно подчеркнуть, что потребительский эгоизм это такое качество, которое всегда осуждается культурным наследием народов всей Евразии и Востока в целом. Практически, бесполезно искать хоть одну, например, русскую, монгольскую, китайскую пословицу, сказку, песню, бурятский улигершен или эпос, в которых бы не осуждался этот по-

рок. Наоборот, во все времена ценностями культурного наследия восточных народов были щедрость, гостеприимство, хлебосольство, взаимовыручка и т.д.

Что нам делать с этим противоречием в ближайшем будущем, если даже путей ее разрешения у нас всего два: либо пополнить нашу сокровищницу культурного наследия новой ценностью в лице потребительского эгоизма, либо оставаться верным своим традициям, что гигантски сложно в условиях тотальной экспансии западной культуры не только на Россию, но и на другие страны всех континентов Земли.

Другая проблема,— это возникновение массовой культуры — о которой, вроде бы, все и всё знают, но от которой в наше время отмахнуться как от мухи нельзя, и, которая, кстати сказать, каждый день проверяет на прочность традиционное наследие наших народов. Массовая культура! Такого монстрозонного термина не могло быть и в помине без появления кинематографа, телеграфа, радио, телевидения и компьютерных систем.

Что может сегодня школьный учитель сообщить подростку, у которого дома стоит компьютер «Пентиум 100», и который за пол — часа может пообщаться со своими сверстниками практически из любых точек земного шара и узнать столько нового, чего не узнает в школе за несколько лет? Способны ли мы соревноваться с супер-современными СМИ в борьбе за голову и сердце, какой ни будь деревенской девчушки, для которой персонажи знаменитого «Дурдома- 2», или известные «мадонны» и «примадонны» реальные витии и идеалы бытия?

Думаю, что да! Но, это можно сделать только с помощью новых, зачастую незнакомых для подростка сокровищ традиционного культурного наследия, самобытности наших этнических культур. Это, пожалуй, единственное на сегодняшний день «оружие», в котором заложено наше преимущество перед вестернизацией культуры, и «разоружение» в сегодняшних условиях — недопустимо.

В этой связи надо сделать глубокий поклон тем руководителям народных коллективов, особенно на селе, тем руководителям учреждений культуры, тем работникам школ искусств и библиотекарям, которые неустанно борются с эпидемией пошлости, безвкусицы, нередко распространяемых СМИ, возвращая наших детей к целепительным истокам народного искусства, проверенной веками народной мудрости.

Следует помнить, что культурное наследие традиций — это последний бастион сохранения нашей само-

бытности, последний редут на путях того, что превращает наше подрастающее поколение в «инкубаторских птенцов».

Негативной стороной пространства культуры современного мира является острый **дефицит человеческо-го в человеке**. Симптоматично то, что под воздействием либерального реформаторства личностные качества в современной России уверенно вытесняются сугубо коммерческими свойствами и политической благонадежностью человека. А такая усредненность существования последнего ведет к постепенной деградации самих потребностей в личностном самоутверждении и совершенствовании.

У нас сегодня даже система образования, потеряв статус важнейшего **канала культуры, стала сферой услуг**. Культура России, все больше становится массовой, что также существенно сужает возможности утверждения личностного начала. Финальной целью либерализации в стране является создание полностью рыночного общества. Но, в таком обществе, коммерческие ценности становятся единственными. Как справедливо отмечает известный французский теоретик современного консерватизма А. де Бенуа: «У торговца нет родины, он может поселиться в любой стране. Родина у него там, где он умножает свою прибыль».[3, с. 15].

В полной мере испытавшие пагубность безответственного властвования за последнюю четверть века, зачастую лишь прикрываемого демократической и популистской риторикой, россияне все больше осознают спасительную роль и перспективность ответственного **коллективного** самоуправления, как на региональном, так и на всероссийском уровне. По данным «Левада-Центра» нынешнюю российскую систему считают лучшей всего 17%, западную — 22%, а советскую — 36% россиян. 51% опрошенных выступают за экономику, основанную на государственном планировании и распределении. [1, с. 3].

Эта статистика вселяет в нас вполне обоснованный оптимизм. Поэтому, сегодня стоит задача целенаправленного возвращения в культурном пространстве России такой личности, которая опиралась бы не на мифические или дарованные кем-то из-за «бугра» права и свободы, а на огромный потенциал наших культурных традиций, на **коллективистский нравственный, потенциал**, заложенный в каждом человеке.

Одного древнегреческого мудреца спросили: «Ты за коллектив, или за личность? За коллектив — ответил тот, — ибо сумма нулей всегда нуль, а сумма единиц — всегда больше одной единицы».

Конечно, в становлении коллективистских нравственных начал, противостоянии коммерциализации сферы культуры ее работникам вряд ли следует забывать и о том, что есть в этом вопросе и другая сторона дела. В сущности, искусство Эрмитажа, Третьяковской галереи или Большого театра никогда не были, и, думаю, никогда не станут субъектами массовой культуры. Музыка Моцарта и полотна Рембранта, даже если их ежедневно транслировать по всем каналам радио и телевидения, к сожалению, тоже никогда не станут явлением массовой культуры.

Масса пойдет на многотысячный стадион, где поет под фонограмму какая-нибудь заезжая певичка. Пойдет на какое-нибудь шоу с Веркой Сердючкой. Эстеты же, которые способны пролить слезу умиления «под музыку Вивальди, под славный клавесин» об ушедшей эпохе Перикла всегда будут находиться в меньшинстве. Не надо забывать, что философию, например, музыки Баха может постигнуть только подготовленный слушатель. А где его взять? Такой слушатель всегда будет в меньшинстве. Вот тут-то и возникает фактор **подчиненности культуры законам коммерции**. Есть масса (потребитель), и есть для нее подходящий товар. В наши дни, к сожалению, эта зависимость стала фатальной и повсеместной.

Делая такой вывод, зададим себе и вопрос: чем мы руководствовались на протяжении длительного пути советской истории? Прежде всего, **идеями, идеалами и нравственными** ценностями. Но, коммерческий эффект, как известно, определяется не нравственностью, а разницей между вложенными средствами и суммой полученного дохода. В свою очередь, доход будет тем выше, чем больше спрос. Стало быть, **культура** сегодня **превращается в товар** и должна удовлетворять **не идеи**, не мораль, а **потребности**. А, поскольку, потребность в комфорте и развлечениях «среднему» человеку всегда была ближе и насущней, чем потребности духа (иначе вся коммерческая культура сплошь была бы высоко — духовной и высоко — нравственной), а это, к сожалению, означает, что простые человеческие желания, в том числе и самые низменные, должны быть удовлетворены в первую очередь. Более того, эти желания имеет смысл всячески стимулировать — на то и существует так называемая коммерческая реклама.

Вся эта нехитрая механика как раз и лежит в основе атрибутов рыночной экономики: шоу-бизнеса, секс-индустрии, поп-музыки, хит-парадов, гей-парадов и прочих гламурных явлений современной культуры. Здесь мы видим уже не просто разрыв, скажем, с религиозной или, на худой конец, традиционной идеей, а нечто прямо им противоположное. Ведь в основе массовой культуры, в какой бы области мы ее не рассматривали, лежит одно и то же: **СОБЛАЗН**. И, подобно тому, как технический

прогресс, давая сиюминутную выгоду, необратимо губит окружающую нас природу, **массовая культура**, будучи самым выгодным бизнесом, **разрушает природу человека**.

Только здесь, похоже, дело обстоит еще безнадежнее, ибо у нас: здесь пока нет своих экологов, своих «зеленых», своих борцов за сохранение среды обитания, как на федеральном, так и на региональном уровне. Министерство культуры России бедно, как церковная мышь (менее 1 процента годового бюджета страны), а созданное Всероссийское научно — образовательное общество (НОКО) — малоэффективно, так как, в сущности, никак не влияет на власть и даже не стремится этого делать. Приняв участие в работе четыре прошедших Конгрессов НОКО я убедился в том, что в адрес правительства здесь не было принято ни одного документа, несмотря на аховое материальное положение всей российской культуры, особенно культуры села, сокровищницы нашего национального культурного наследия.

К сожалению, в России, в Байкальском регионе в том числе, некоторые работники культуры (нередко по вынужденным причинам) так глубоко «заглотили» коммерческую «наживку», которую им предложили еще в стенах учебных заведений культуры, которым, в свою очередь, ее навязало государство, что стали поборниками только коммерческого пути развития культуры, **объективно** стали разрушителями ценностей культурного наследия своих народов, духовности человека, а не ее созидателями и поборниками. Парадоксально, но факт!

Видимо нам всем следует понимать и то, что «коммерциализацию» культуры нередко порождает недавно возникший в мире **денежный тоталитаризм**. Так называл русский философ А.А. Зиновьев экономическую и политическую систему, сложившуюся в настоящее время на Западе и которая в определенной степени появилась и у нас.

Сегодня мы весьма часто замечаем по выступлениям СМИ, как постоянно встречаются главы правительств, представители различных банков, крупные олигархи, члены Международного валютного фонда и т.д. Это и есть иллюстрация работы современной денежной власти. Денежный тоталитаризм, уже создал в мире сверхэкономику, которая состоит из крупнейших не национальных, а наднациональных и глобальных корпораций. Эта сверхэкономика уже практически правит всеми правительствами, определяя, кого выберут президентом, кто пойдет в конгресс или в сенат и т.д. На Западе уже сложилась система сверх государственности и успешно складывается система сверх власти, господствующая над самой властью.

И в этом примере мы видим, как считает А.А. Зиновьев, что «достижения западной цивилизации не только не устранили опасность произвола власти, но она теперь перешла на такой уровень, где с нею почти невозможно открыто бороться. Транснациональные корпорации контролируют уже сегодня более половины ВВП и почти всю международную торговлю. Создана сеть мировых финансовых центров, обеспечивающих свободное международное перетекание финансового капитала и инвестиций». [5, с. 21].

Для всех работников культуры, стремящихся сохранить культурное наследие немаловажно учитывать и то, что формирование глобального информационного пространства (сеть телекоммуникации, паутины Интернет, мобильный телефонной связи и т.д.) обеспечивающего свободное достижения информации (коммерческой, культурной, научно-технической, политической и пр.) последовательно стирает всякие границы между странами и народами.

Может быть, к счастью для судеб мировой культуры и традиционных культур в частности, что данная тенденция — не единственная. Существуют еще, по меньшей мере, две тенденции, источником которых является, с одной стороны, **восточная духовность** — традиции культурного наследия Индии, Китая, Японии, Кореи в целом традиции буддизма, даосизма, конфуцианства, других стран индо-буддийского ареала и, с другой — **охранительный консерватизм** стран мусульманского мира.

С тех пор как Веды начали переводить на европейские языки, представление европейцев об уникальности культурного наследия этого ареала стало радикально меняться. Европейцы с удивлением обнаружили, что издревле здесь существовала духовная традиция, способная перевернуть привычное мировоззрение человека Запада, что философия, существующая у восточных народов, по своей интеллектуальной ценности ничуть не ниже по глубине и древности значительно превосходит все, что до сих пор известно, так называемому «цивилизированному» миру. Искатели Истины из многих стран Запада, изверившись в ценностях рационалистической культуры, один за другим потянулись к тенистым троп древних восточных монастырей и ледяным пещерам гималайских отшельников

Мало того, страны индо-буддийского ареала, до сих пор замкнутые в своем одиночестве, словно проснулись и открыли свое лицо перед Западом. Один за другим в этот шумный и суетный мир двинулись миссионеры и апостолы Духа, имена которых очень скоро стали легендарными: Вивекананда, Йогананда, Прапхупада, Кришнамурти, Раджиниш и др.

В это же время и буддийские священники, врачеватели и мудрецы, начиная от тибетских лам, до японских учителей Цзен, стали весьма часто навещать Запад. Не следует сбрасывать со счетов и весьма ощутимые демографические тенденции в современном мире, который на наших глазах «желтеет» и «чернеет», ибо для цивилизаций Востока (особенно мусульманской, индийской и буддийской), а также латиноамериканской характерно устремление к увеличению численности семьи, поощрение рождаемости, что во многом связано с религиозными и экономическими факторами.

Для цивилизаций же Запада характерна нуклеарная семья с одним, реже двумя детьми, а в последнее же время получают заметное развитие внебрачные и однополые отношения, не завершающиеся появлением ребенка. По данным ООН население мира с 1950 года по 2000 год увеличилось в 2,52 раза, а население Африки — в 3, 21 раза, Латинской Америки — в 2, 87 раза, Южной и Центральной Азии — в 3, 34 раза, Юго-Восточной Азии — в 2,65 раза, тогда как Европы всего лишь в 1, 33 раза, Северной Америки — в 1,73 раза. В ближайшие 50 лет этот разрыв будет еще более ощутим. По данным ООН население Африки вырастит в 3,35 раза, Азии почти в 2, а население Европы останется неизменным. [9, с. 14].

Сейчас трудно сказать, насколько далеко может пойти процесс современной экспансии культур Запада на Восток и наоборот. Можно прогнозировать только одно, и это очень важно для практической деятельности работников сферы культуры: **в любом случае эра локальных культур идет к концу; её наследует культурный синкретизм**, хотя, пока что, и не ставший синтезом.

Сумеет ли восточная традиция, имеющая тенденцию к сближению природы и поискам Истины в глубинах человеческого Духа, одолеть экспансию «западного образа жизни? Окажется ли жажда спасения сильнее соблазна? Сейчас на эти вопросы дать однозначные ответы невозможно, ибо, с другой стороны западная технотронная цивилизация пустила достаточно глубокие корни в некоторых восточных странах — Япония, Корея, Сингапур, Малайзия, Филиппины, Тайланд, да и Индия с Китаем тоже.

Что же касается исламского мира, то в наши дни это, быть может, единственный хорошо укрепленный форпост традиционной культуры. В таких странах, как Иран, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты эта культура стойко обороняется от вторжения западных идей. На вооружение здесь берется только западная наука и техника, поскольку без этого вообще невозможна жизнеспособность современного государства.

Однако ислам ничего нового не обещает, здесь нет никаких подвижек сознания. Все формы культуры здесь почти неизменны еще со времен средневековья. Даже исламские страны с развитой светской культурой (Египет, Турция и др.) не обнаруживают заметных признаков духовного прогресса. Современный ислам слишком самодостаточная, слишком цельная и жестко организованная структура, чтобы иметь хоть какое-нибудь желание к эволюции. С другой стороны ислам сегодня вряд ли можно назвать целостным. Радикальные движения в нем (типа ИГИЛ) — характерный тому пример.

Итак, в качестве промежуточного вывода мы скажем одно — в современном мире, к счастью, нет, не только «звездных», но и мировых войн. Однако идет ожесточенная **война культур** в основном в рамках дихотомии «Восток» — «Запад» (экспансия США в Афганистане, Ираке, Ливане тому пример). По какую сторону баррикад встать в этой войне — решает каждый отдельно взятый человек. При этом вряд ли следует забывать, что выступать против западной науки и техники вообще, быть неолуддистами, технофобами — глупо, ибо современный человек в пещеру жить не пойдет. Эта проблема разрешима лишь со стороны избранных нами приоритетов: **технократы** всегда ставят **технику** выше интересов человека, а **гуманисты** — наоборот. Поэтому в развитии культуры нужно стремиться к гуманистическим компромиссам. Иными словами, к ценностям светского, секулярного гуманизма. Религиозный же гуманизм непоследователен, ибо на шкале его ценностей впереди будет всегда стоять Бог, а не Человек.

Не менее глупо выступать и против глобализации вообще. Никому не по силам уничтожить извечное стремление человека к объединению. Так было всегда: в пещере была простейшая **кооперация** людей, затем **интеграция**, а сегодня **глобализация**, огромная по своим масштабам диффузия культур. Это глупо еще и потому, что в современном мире сегодня есть проблемы, которые в одиночку не решит никакая супер-богатая держава, например, проблема экологии. Бороться надо с **глобализацией** в области **духа**, стремлением всех людей планеты приобщить к чуждым им культурным ценностям. Именно здесь и раскрывается значимость ценностных оснований традиционного **культурного наследия** народов мира.

Сегодня пред всеми работниками культуры и культурологами стоят одни и те же вопросы: «Что мешает людям Земли жить мирно и наслаждаться жизнью бок о бок друг с другом?». «Почему в истории так мало примеров мирного соседства «локальных» культур, без экспансии и агрессии?»

На мой взгляд, это объясняется тем, что культурно-мировоззренческие, в том числе и религиозные Идеи, формирующие эти культуры, организуют жизнь, но **не изменяют человека**. Личная религия, например, не претендует на изменение личности верующего, наоборот, она предусматривает ее само тождественность. Культовый ритуал не приводит к совершенствованию человека — напротив, он консервирует его ментальность. С другой стороны, приходится с сожалением констатировать, что существующие до сих пор рациональные идеи, при всех их чудодейственной способности формировать культуру какого-либо этноса, ничем не могут помочь дальнейшей духовной эволюции человека.

Между тем сегодня эта проблема остро стоит на повестке дня, ибо в недалеком будущем человечеству предстоит формировать Ментальную матрицу, которая была бы способна руководить всем человечеством и была бы синтетической основой всей мировой культуры. Нет сомнения в том, что ценностную основу этой глобальной Матрицы будет представлять совокупность культурного наследия всех народов мира, которое сегодня надо не только сохранять, но и модернизировать и использовать в социо-культурной практике.

Сегодня население Байкальского региона, где уже более полу века живет и работает автор статьи, как и вся Россия, переживает нелегкие времена. Вместе с тем, нельзя не заметить, того, что именно сегодня мы ощущаем стремительное возрождение духа российских провинций, когда от нивелирующего пресса централизованной системы прошлого освободилось разноцветье территориально-этнических субкультур. При этом становится очевидно, насколько живуч генотип регионального («земляческого») самосознания, насколько важную и необходимую роль играет в жизни людей ощущение «малой родины» — пространственный аспект идентификации людей и региональных сообществ.

Можно только удивляться тому, как быстро и явно проступает в сегодняшнем облике особенно сельских населенных пунктов исторически традиционные черты, как много неповторимого воспроизводится людьми в их бытие и сознании. Все это в значительной степени актуализирует проблему методологического осмысления процессов изучения и сохранения культурного наследия народов России в целом, и народов Бурятии в частности.

Культурное наследие Байкальского региона не только богато и разнообразно, но и уникально по своей природе. Его уникальность связана, прежде всего, с полиэтничностью населения, которая сложилась в результате длительного, на протяжении столетий, сосуществова-

ния, взаимозависимости и взаимовлияния культур разных народов. В культурном наследии данного региона зримо представлены не только ценности традиционных культур бурят, эвенков или русских, но и тюркских и этносов нашего региона.

Нельзя недооценивать тот факт, что по Забайкальской и Прибайкальской земле, начиная от пограничной Кяхты и через территорию Российской империи в Европу, проходил знаменитый «чайный путь», который через посредство русского языка связывал культуры Востока с культурами Запада, что в немалой степени способствовало их диффузии.

Чрезвычайно ценное культурное наследие оставили нам декабристы, которые десятилетиями жили на поселении в Нерчинске, Сретинске, Петровском Заводе Забайкальского края, в деревнях Баргузинского, Кяхтинского, Селенгинского, Тункинского и Прибайкальского районов Бурятии, в селах и городах Иркутской области. Во многих селах нашего региона до сих пор сохраняется богатейшее разноцветье культуры семейских (старообрядцев), которые были сосланы за Байкал из районов центральной России и внесли в культурное наследие этого региона самые различные по происхождению культурные традиции.

Проблему культурного наследия сегодня актуализирует и то, что его сохранение — есть сохранение памяти о прошлом. А, сохранение прошлого — есть сохранение нации как целостности, ибо, нация, утерявшая связь с прошлым, превращается просто в население, в размытую общность людей. Носителем неуловимого ощущения причастности к нации, своему народу и его культуре является наиболее консервативная, морально стабильная часть нации — крестьянство, традиционализм которого основывается на крайне медленно изменяющейся среде обитания. Городское население, особенно в индустриальную и постиндустриальную эпохи — все поголовно пришлое, с оборванными корнями, с разрушенными традициями. Крестьянская же жизнь с ее традиционализмом — есть постоянное воспроизведение опыта прошлых поколений.

Культурологическая рефлексия жизни и быта сельского населения Байкальского региона позволяет нам сделать вывод о том, что прошлое здесь — неразрывно связано с настоящим и каждое мгновение настоящего опирается на традицию, становится прошлым, становится культурным наследием.

В связи с его научным осмыслением перед исследователем возникает крайне важная методологическая проблема: **что следует понимать под культурным наследием?** И дело здесь не в недостатке дефиниций —

определений этого феномена немало. Стоит привести некоторые из них.

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже еще в 1972 году под «культурным наследием» понимаются:

- ◆ памятники — произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов;
- ◆ ансамбли: группы изолированных или объединяющих строений, архитектура, единство или связь с пейзажем;
- ◆ достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки, эстетики, этнологии или антропологии.

В Основах законодательства о культуре от 09.10.1992 года культурное наследие Российской Федерации определяется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию». Кроме того, (что для нас наиболее значимо в научном плане) под культурными ценностями в Основах понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, фольклор, художественные промыслы, произведения искусства, результаты и методы научных исследований, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

С точки зрения Э.А. Баллера, **культурное наследие** это — «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности в соответствии с объективными критериями общественного прогресса». [2, с. 79]. Однако, в устоявшейся научной рефлексии это понятие обычно «съезживается», ибо под ним понимается чаще всего лишь произведения прикладного и изобразительного искусства, разного вида недвижимые памятники истории и культуры и письменные источники, литературные, философские и политические трактаты, что имеет для общества, безусловно, тоже актуальное значение. И все же, для нас,

предпочтительнее именно баллеровское определение этого феномена, ибо в нем речь идет о совокупности «культурных ценностей» вообще, независимо от того, является ли это наследие образцом, скажем, монументальной пропаганды, или архитектурным сооружением, или это будет, скажем, обыкновенный народный фольклор, песня, традиция, обряд.

Но, дело не только в этом. В научных работах, как правило, не придается значения аксиологической стороне понимания культурного наследия. Иными словами, забываются два очень важных слова в дефиниции Э.А. Баллера, которые относятся не к «культурным ценностям» вообще, а к **критически осваиваемым культурным ценностям**. В результате теоретические «упущения» приводят к большим «перекосам» в социо-культурной практике, ибо, поскольку культурное наследие понимается как «совокупность» всех достижений культуры, то по законам формальной логики к наследию следует относить все артефакты культуры.

Тогда получается, что если в музеях мира хранятся в качестве культурного наследия, например, кремневые или костяные наконечники стрел и копий первобытного человека, то следует хранить и атомную бомбу, ибо она — есть ничто иное, как такой же артефакт культуры. Вот здесь то и нужно весьма ответственно относиться к «критическому осмыслению» культурного наследия. В этой связи, очевидно, мы должны четко понимать, как говорил классик: «От какого наследия мы отказываемся?».

С точки зрения автора статьи, нам надо отказаться от всякого наследия, которое в той или иной мере направлено против человека, является **антигуманным**, мешает его полноценной жизнедеятельности или создает анти комфортное существование. В исторической ретроспективе — такого наследия накоплено в культурах всех народов немало. К счастью, в культуре неумолимо действует **закон ее преемственности и развития**, когда новые поколения людей отказываются от чего-то, но взамен, дают культуре нечто новое. В противном случае человеческая культура давно бы уже превратилась в «лавку с хламом».

При этом, к сожалению, весьма часто бывает, когда «с водой выплескивают ребенка», когда пропадает навсегда часть богатейшего культурного наследия. На этот счет можно приводить сотни и тысячи примеров из истории не только российской, но и мировой культуры. Все это обязывает нас еще раз подчеркнуть роль аксиологического критерия при отборе культурного наследия в лице гуманитарной культуры, базовым основанием которой являются принципы гуманизма.

В научной жизни гуманитариев Байкальского региона вообще и Бурятии, в частности, сегодня идет повальное увлечение мифологией и фольклором, что само по себе весьма положительно сказывается не только на сохранение культурного наследия, но и приобщение к нему подрастающих поколений. При этом уходит на второй план другая проблема: а все ли образцы мифов и фольклора несут на себе ценности гуманизма, все ли из них приводят нас к стремлению научного познания мира?

Нет, скажем мы. Далеко не все. Некоторые мифы и фольклорные произведения насаждают в сознании людей, особенно молодежи мифологическое, иррациональное мировоззрение. Как — то стало забываться, что большинство мифов родилось в эпоху родоплеменных отношений, когда человек всецело зависел от сил природы, не мог верить в собственные силы и поклонялся целому пантеону выдуманных им же богов. Стоит ли удивляться тому, что даже в деревнях сегодня растут как грибы всевозможные секты с самыми экзотическими названиями.

Не под воздействием ли подобного рода культурного наследия некоторые профессора современных вузов (к сожалению, не только «идеалисты-лирики», но и «материалисты-физики») приходят в студенческие аудитории формально секулярных, светских вузов с четками в руках и с амулетами на шее? Можно, конечно, толерантно относиться ко всему этому, но тогда надо толерантно относиться и к богатейшему **атеистическому** культурному наследию всех времен и народов. Однако этого в наши дни не наблюдается.

Следует ли понимать вышесказанное как ригористичный отказ от изучения, скажем, мифов и фольклора? Конечно — нет. Социальная память, выраженная в любом культурном наследии стремится к равновесию по схеме «теза-антитеза», несмотря на манипулирование ею общественными институтами и методологиями. Идеи прошлого, которые не стали интегральным фактором решения современных проблем, тоже должны быть объектом познания, чтобы новые открытия не были новыми заблуждениями. Магистральные мысли научного знания пробиваются через «процесс» к «результату». Социальная память, выраженная в артефактах культурного наследия — звенья процесса познания, хранилище разнообразной, в том числе неактуальной, безыдейной, экзистенциальной информации. И в этом, в частности, показателен, например, миф как способ моделирования реального на базе ценностно-смысловых идей, не востребованных обществом по тем или иным причинам.

В реализации феномена культурного наследия и выраженной в нем социальной памяти нужен, на наш взгляд, компромисс между формальной и неформальной образностью, научным и стихийным знанием, направленным анализом и личностно-эмоциональным отношением. Потоки, массивы, объемы и формы культурного наследия должны сохранить все многообразие и оттенки прошлого и настоящего для будущего, а методологические вопросы корректности трансляции ценностей культурного наследия в обществе могут стать предметом специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев С. Современная Россия в цифрах и фактах. — //Аргументы и факты, 27 февраля 2015 г. «Аргументы и факты». — 6 февраля 2013.
2. Баллер Э. А. Культура и ее наследие. — М. — 1987. — 364с.
3. А де Бенуа. Против либерализма. СПб.: 2009. — 174с.
4. Гинделис И.А. К вопросу о демаркации традиционного и нетрадиционного типов знания. — //Наука и культура региона: концепция развития: Улан-Удэ — 1993. — 100 с.
6. Зиновьев А. А. Глобальный человек. — М. — 1997. — 156 с.
7. Калита С. П. Культурное наследие и культурное наследование. //Второй российский культурологический конгресс: «Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Программа тезисов докладов: СПб —2008. — 600с.
8. Разлогов К. Э. Культурология между прошлым и будущим. От краеведения к культурологии. М. — 2002. — 372с.
9. Русская цивилизация. — М.: 2009. 507с.
10. Яковец Ю. В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XX1 века. — М. — 2001. 85с.

© Кургузов Владимир Лукич (vlkurguzov@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»